Но когда молчание перевалило за неделю, затем за десять дней, накопившаяся злость начала его разъедать. У игнорирования тоже есть предел. Это было слишком явно.

Как жидкость, доходящая до точки кипения, две недели тишины превратили мрачность Дэниела в злость.

— У меня много дел, поэтому я быстро устаю, и мне становится скучно.

Слова Алека из перелёта в Барселону всплыли в памяти.

«Скучно» — значит, что больше не хочется ни о чём заботиться.

Как в головоломке: прошёл уровень — и сразу начинается следующий. Возможно, Формула-1 и он для Алека были на одной плоскости.

Он набрал знакомое имя. Длинные гудки украсили тишину. На этот раз — как и в прошлый. Возможно, он всегда будет ждать звонка Алека.

Ничего страшного. Ожидание без обещаний было привычным. Как бесконечное ожидание примирения с Джошуа. Просто продолжать, как всегда…

— ……

Злость накатила резко. Дэниел ворвался в комнату Мики и постучал. Мика, вытирая волосы полотенцем, открыл дверь.

— Доктор Мика, можно одолжить ваш телефон?

— Телефон…? Конечно, но зачем?

— Мне нужно кое-что сказать, но директор не берёт трубку. Я недолго.

— Ты так честно говоришь, что отказать сложно. Сейчас.

Как и ожидалось, Алек ответил сразу. Дэниел горько усмехнулся: он был слишком вымотан, чтобы злиться.

Он знал, что Алек его избегает, но от этого боль не становилась меньше. «Значит, он и правда игнорирует меня».

Во время Гран-при Дэниел носил с собой подарок, надеясь вручить его Алеку, если они встретятся.

Из-за столь нехарактерного поведения он даже выслушал подколки Адама и Марселя о том, не завёл ли он себе любовника. Он отмахивался от них и просил не лезть не в своё дело.

Одна ссора с одним человеком — и дни становились перекошенными. Настроение менялось, словно песок в пустыне, постоянно перестраиваясь.

То он по-детски упрямился, уверяя себя, что спокойно проживёт, если больше никогда не увидит этого человека, то проваливался в странное отчаяние, раздумывая, неужели всё действительно закончилось.

«А ты ведёшь себя так непостоянно, будто не знаешь, что я чувствую. Улыбаешься, стоя за

красными гвоздиками, а потом холодно отворачиваешься, не давая даже шанса сказать».

Это слишком.

Он прикусил язык, чтобы не выдать детские жалобы.

— Чёрт, кто это сказал? Оставайся в своём отеле. Понял? Оставайся там!

В ответ на крик Алека Мика испуганно окликнул его. При посторонних всё выглядело ещё хуже. Сгорая от стыда, Дэниел повесил трубку. Мика, услышав крик из динамика, был ошарашен.

— Ты в порядке?

— Да. Прости. Спасибо за телефон.

— Господин Дэниел, если у вас что-то на душе…

— Нет. Я просто высплюсь.

Теперь он явно лгал — и именно из-за тебя. Не обращая внимания на скептический взгляд Мики, Дэниел вернулся в комнату.

Глупо. Какой смысл теперь узнавать Алека Уокера? Родился в Великобритании, двадцать восемь лет, любит синий — и что с того? Это уже не имеет значения.

Они, скорее всего, так и останутся параллельными линиями — вечно спорящими и злящимися друг на друга.

Желая проспать до смерти, Дэниел натянул одеяло на голову.

Поздно ночью громкий стук заставил его резко проснуться.

Глаза Дэниела раскрылись мгновенно, будто от удара. Было раннее утро. Проверив время, он ощутил странное предчувствие, прошедшее от ног до самой макушки.

Это была странная уверенность. Он не говорил Алеку номер своего номера и закончил разговор в ярости, но был абсолютно уверен: человек за дверью в этот час — только он.

— Кто там?

Тень и обувь виднелись под дверью. Сосчитав до девяти, Дэниел протёр глаза и открыл дверь. Свет разрезал темноту и ударил в глаза. Мужчина, стоявший в коридоре спиной к свету, был знакомым.

— …

— …

Дэниел и Алек смотрели друг на друга, как ковбои в вестерне, ожидая, кто первым выхватит оружие.

Обычно безупречный внешний вид Алека исчез; ворот его рубашки был небрежно поднят, не приведён в порядок, пока он стоял лицом к Дэниелу.

С Дэниелом всё было не лучше. Его волосы, словно гнездо, из которого последний птенец уже вылетел, торчали в одну сторону.

Они были незнакомцами, встретившимися впервые, и одновременно — слишком близкими людьми.

Да. Знакомыми.

— Дэниел.

— …

Он планировал дать ему пощёчину, если они встретятся снова.

В тот момент, когда он увидел лицо, по которому так долго тосковал, гнев Дэниела мягко растаял. По правде говоря, это была замаскированная тревога. Не имея иной оболочки, он прикрыл её злостью, но теперь ему пришлось признать это. Это был беспокойный страх, что этот человек мог устать от него, что их отношения могли вернуться к исходной точке.

Хотя Дэниел привык ждать без каких-либо обещаний, он никогда не воспринимал это легко. Это всегда было испытанием, мучением.

Если бы он бросал резкие слова, как копья, вытащенные среди ночи, надеясь, что они пронзят и подтвердят его существование в сердце этого человека, возможно, это бы сработало. Но он не хотел так делать.

Ещё одной уверенностью Дэниела в этот момент было то, что Алек Уокер никогда бы не показал свою растрёпанную сторону кому-то ещё. Наносить ещё одну рану туда, где она только начала заживать, было бы несправедливо.

— Давно не виделись.

Он не мог этого отрицать. Прошло всего две недели, но он чувствовал то же самое.

— И не спросишь, чья это вина?

— …Ты правда странный человек, знаешь это?

— Этот странный человек… разве не вы, мистер Дэниел, сказали, что скучали по мне?

Он не хотел оправдываться, жалко ссылаясь на минутный порыв. Этот всплеск исходил из правды, которую он всё это время подавлял.

— Я скучал по тебе.

Его голос был мягким, словно одеяло, высушенное на солнце. Когда-то резкий, теперь он стал обволакивающим. Поведение Алека было по большей части колким, и это начинало становиться проблемой — потому что казалось таким знакомым.

Дэниел с трудом сдержал дрожь, пробежавшую по позвоночнику. Всегда ли воссоединение после разлуки было таким тёплым? Слова были простыми, но смотреть ему в лицо было трудно.

— Солнце вот-вот взойдёт. Я проделал весь этот путь за ночь только ради того, чтобы увидеть твоё лицо, так что сейчас закрываться было бы трусостью.

— ……

— Дэниел. Ты скучал по мне?

В тишине, где нельзя было потратить ни одного лишнего вдоха, Дэниел кивнул.

— …Да.

— Я тоже.

— Тогда кто не отвечал на звонки?

— …Если я извинюсь, ты примешь это?

Когда он сказал это именно так, Дэниел не смог покачать головой. Хорошо зная силу собственного лица, Алек слегка склонил голову, осторожно оценивая реакцию Дэниела.

Алек упёр носок обуви в дверной косяк, отделяющий комнату от коридора. Казалось, он вот-вот войдёт, но остановился и спросил:

— Можно войти?

— ……

Он спрашивал разрешения. Дэниел был недостаточно наивен, чтобы не уловить подтекст.

Воздух стал таким холодным, что по коже побежали мурашки. Инстинкты подали тревожный сигнал, вспыхнули предупреждающие огни. Страх поднялся волной, подталкивая оттолкнуть Алека за его чужеродность, но, что удивительно, Алек всё же упрямо ждал ответа. Он и в этом был странным спонсором.

Если оглянуться назад, Алек Уокер с самого начала был особенным — настолько, что казалось невозможным найти кого-то похожего. Эта уникальность каким-то образом стала для Дэниела чем-то важным.

В древности золото символизировало высшую власть и свет, но существовал цвет, ещё более редкий, чем золото, — синий. Пигмент лазурита использовали, чтобы окутывать Деву Марию небесным оттенком, обозначая её святость. Алек Уокер воплощал и золото, и синий. Как потолочная фреска, он казался цельным, совершенным и драгоценным. Он всегда таким и будет. Но сколы на краях, закрашенные желанием, выделялись особенно ярко.

— Входи.

Рука, напряжённая скрытой силой, обвилась вокруг его талии. Его пятки оторвались от земли. Когда грубые, но мягкие губы коснулись его губ, дверь бесшумно закрылась.

Это было сладкое дыхание.

http://bllate.org/book/17841/1739225